

Путешествие маркиза Тарифы в Святую Землю (1518–1520): средиземноморские впечатления и севильские отражения

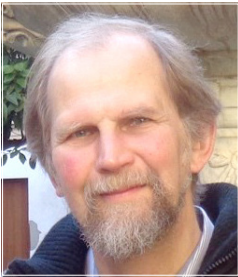
© Ведюшкин В.А., 2026

Владимир Александрович Ведюшкин, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

119334, Москва, Ленинский проспект, 32а

ORCID:0000-0003-4721-2388

E-mail:vedyushkin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется дневник паломничества севильского аристократа Фадрике Энрикеса де Рибера, маркиза Тарифы (1476–1539), в Иерусалим в 1518–1520 гг. Различные этапы путешествия освещены в дневнике по-разному и с разной степенью подробности. Основное внимание в статье уделено этапам пути, которые представляли для дон-Фадрике наибольший интерес и в то же время позволяли ему самостоятельно определять маршрут и продолжительность остановок. При таком подходе в фокусе исследования оказывается Италия, в ее описании наиболее заметна разносторонность интересов маркиза. Анализ дневника показывает важность для автора описаний городских укреплений, госпиталей, устройства городских республик, деятельности Ордена госпитальеров на Родосе, картузианских монастырей и надгробных памятников. Эти интересы объясняются либо статусом автора — аристократа и рыцаря, — либо конкретными целями, которые он ставил перед собой в путешествии. В то же время текст дневника показывает, что в своих эстетических предпочтениях маркиз Тарифа оставался скорее человеком Средневековья, чем Возрождения: он нечасто сообщал об античных древностях, редко упоминал ренессансные сооружения и никогда не подчеркивал их новизну по сравнению со средневековыми. Однако предпринятая им после возвращения в Севилью перестройка дворца (Дома Пилата) и создание погребальной капеллы для своих предков демонстрируют очевидное влияние архитектуры и скульптуры Возрождения в ее североитальянских вариантах. Дворец и капелла стали первыми ренессансными сооружениями Севильи и сыграли важную роль в развитии испанского Возрождения.

Ключевые слова: Фадрике Энрикес де Рибера, маркиз Тарифа, Испания, XVI век, дневник, паломничество, путешествие, восприятие, культурное влияние, архитектура, Возрождение

Для цитирования: Ведюшкин В.А. (2026) Путешествие маркиза Тарифы в Святую Землю (1518–1520): средиземноморские впечатления и севильские отражения. *Ибероамериканские тетради*. № 2. С. 62–89. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-62-89

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

El viaje del Marqués de Tarifa a Tierra Santa (1518-1520): impresiones mediterráneas y reflexiones sevillanas

© Vedyushkin V.A., 2026

Vladimir A. Vedyushkin, PhD (Historia), investigador principal del Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.

119334, Rusia, Moscú, Leninsky prospect, 32a

ORCID:0000-0003-4721-2388

E-mail:vedyushkin@mail.ru

Resumen. En este artículo se analiza el diario de la peregrinación del aristócrata sevillano Fadrique Enríquez de Ribera, marqués de Tarifa (1476-1539), a Jerusalén entre 1518 y 1520. Las distintas etapas del viaje – España, Francia, Italia y el Mediterráneo oriental – se describen de diferentes maneras y con distintos grados de detalle. El estudio se centra principalmente en aquellas etapas del recorrido que despertaron mayor interés en Don Fadrique y que, al mismo tiempo, le permitieron determinar por sí mismo el itinerario y la duración de las estancias. Con este enfoque, la investigación se centra en Italia, donde en esa época floreció la cultura renacentista. Es en las páginas italianas del diario donde los amplios intereses del marqués se hacen más evidentes. El análisis del diario revela el papel especial de las descripciones de fortificaciones urbanas, hospitales, el sistema político de las repúblicas urbanas, la Orden de los Hospitalarios en Rodas, monasterios cartujos y esculturas funerarias. Todos estos intereses se explican tanto por la condición social del autor, aristócrata y caballero, como por los objetivos específicos que perseguía durante su viaje. Al mismo tiempo, el texto del diario muestra que, en sus preferencias estéticas, el Marqués de Tarifa seguía siendo más un hombre medieval que renacentista. Rara vez se detenía en las antigüedades clásicas, pocas veces mencionaba los edificios renacentistas y nunca destacaba su novedad en comparación con los medievales. Sin embargo, la reconstrucción de su palacio (la Casa de Pilatos) y la creación de una capilla funeraria para sus antepasados, emprendidas en Sevilla tras su regreso del viaje, evidencian la influencia de la arquitectura y la escultura renacentistas, especialmente en sus variantes norteitalianas. El palacio y la capilla fueron las primeras construcciones renacentistas de Sevilla y desempeñaron un papel importante en el desarrollo de la cultura del Renacimiento en España.

Palabras clave: Fadrique Enríquez de Ribera, Marqués de Tarifa, España, siglo XVI, diario, peregrinación, viaje, percepción, influencia cultural, arquitectura, Renacimiento

Para citar: Vedyushkin V.A. (2026) El viaje del Marqués de Tarifa a Tierra Santa (1518-1520): impresiones mediterráneas y reflexiones sevillanas, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 2, pp. 62–89. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-62-89

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

The Marquis of Tarifa's Journey to the Holy Land (1518–1520): Mediterranean Impressions and Sevillian Reflections

© Vedyushkin V.A., 2026

Vladimir A. Vedyushkin, PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

119334, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32a

ORCID:0000-0003-4721-2388

E-mail: vedyushkin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the pilgrimage diary of the Sevillian aristocrat Fadrique Enriquez de Ribera, Marquis of Tarifa (1476–1539), who travelled to Jerusalem between 1518 and 1520. The different stages of the journey – Spain, France, Italy and the Eastern Mediterranean – are described unevenly and with varying degrees of detail. The study focuses on those parts of the journey that were of greatest interest to Don Fadrique and that allowed him to determine the route and duration of his stays independently. From this perspective, particular attention is given to Italy, where the breadth of the Marquis's interests becomes evident. An analysis of the diary highlights the importance the author attached to descriptions of city fortifications, hospitals, the political organization of urban republics, the Order of the Hospitallers on Rhodes, Carthusian monasteries and funerary monuments. All these interests are explained either by the author's social status as an aristocrat and knight or by the specific aims he set for his journey. At the same time, the diary shows that in his aesthetic preferences the Marquis of Tarifa remained more a man of the Middle Ages than of the Renaissance.

He rarely refers to classical antiquities, seldom mentions Renaissance buildings and never notes their novelty in comparison with medieval ones. Nevertheless, the reconstruction of his palace (the Casa de Pilatos) and the creation of a funerary chapel for his ancestors, which he undertook in Seville after returning from his travel, demonstrate a clear influence of Renaissance architecture and sculpture in its northern Italian version. The palace and the chapel became the first Renaissance buildings in Seville and played an important role in the development of the Spanish Renaissance.

Key words: Fadrique Enriquez de Ribera, Marquis of Tarifa, Spain, 16th century, diary, pilgrimage, travel, perception, cultural influence, architecture, Renaissance

For citation: Vedyushkin V.A. (2026) The Marquis of Tarifa's Journey to the Holy Land (1518–1520): Mediterranean Impressions and Sevillian Reflections, *Iberoamerican Papers*, no. 2, pp. 62–89. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-62-89

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Дневник паломничества севильского аристократа дона Фадрике Энрикеса де Рибера, первого маркиза Тарифы (Fadrique Enríquez de Ribera, primer marqués de Tarifa, 1476–1539), может привлечь внимание гуманитариев самой разной специализации. Как справедливо отметили в свое время авторы вводной статьи к посвященному путешествиям тематическому выпуску альманаха «Одиссей», сама «универсальность путешествия как явления и многообразие связываемых с ним культурных смыслов делает его привлекательной и многообещающей темой для обсуждения в кругу гуманитариев» [Толстикова, Кошелева, 2010: 6]. Филолог в интересующем нас тексте прежде всего увидит выдающийся памятник испанской литературы путешествий, не потерявшийся даже на фоне писем и донесений мореплавателей и конкистадоров. Хотя по сравнению с памятниками Великих географических открытий или с такими признанными шедеврами XV в., как дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура Руя Гонсалеса де Клавихо и «Странствия и путешествия» Перо Тафура¹, дневник маркиза Тарифы менее известен, но в рамках жанра он занимает видное место. В одних случаях скупой на детали, в других автор описывает увиденное живо и довольно подробно, приводя подчас очень любопытные сведения.

Искусствовед, обращаясь к тексту дневника, обратит внимание на то, как автор воспринимает и описывает знаменитые архитектурные памятники итальянского Средневековья и Возрождения, да и городскую среду в целом, однако не пройдет и мимо влияния этого путешествия на жизнь и облик Севильи. Историк же, наверное, для начала с наслаждением погрузится в море любопытных сведений, касающихся самых разных сфер жизни многих стран Средиземноморья, от Испании до Палестины. Так, собственно, и поступали обращавшиеся к этому тексту испанские исследователи². Лучше других в этом плане проанализированы части дневника, относящиеся к Италии [Plaza, 2018] и к Святой Земле [Pereda, 2012], хотя и здесь возможности источника далеко не исчерпаны.

Относительно цельную картину дает лишь книга Педро Гарсиа Мартина [García Martín, 1997] — похоже, единственная научная монография о паломничестве маркиза Тарифы, — где относительно подробно рассмотрены и биография автора дневника, и его паломничество. Важным подспорьем для исследователей стало подготовленное под руководством того же Гарсиа Мартина критическое издание текста дневника³, которое, однако,

¹ Tafur P. Andanças é viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439). Madrid. Imprenta de Miguel Ginesta. 1874. 320 p. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Историков из других стран текст дневника, похоже, почему-то не слишком привлекал, мы можем здесь сослаться лишь на следующую статью: [Wunder, 2003].

³ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltrán V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida. El viaje a Jerusalén de don Fadrique Enríquez de Ribera. Madrid. Miraguano. 2001. 365 p.

производит двойственное впечатление. С одной стороны, к подготовке книги были привлечены выдающиеся исследователи разного профиля⁴; текстологическая работа проделана на должном уровне, а в предваряющих текст дневника статьях дается емкая характеристика различных сторон биографии и личности его автора, его связи с городской средой Севильи, истории самого путешествия и порожденного им текста. С другой стороны, реальные комментарии к тексту выглядят односторонними: излишне подробные справки о всемирно известных памятниках архитектуры и персонажах соседствуют с многочисленными лакунами там, где нужных сведений действительно не хватает для понимания текста. Справедливости ради заметим, что задача всестороннего комментирования такого текста не из легких, тут нужно прекрасно разбираться в столь разных темах, как морское дело и тонкости систем управления итальянскими городами, античные мифы и народная религиозность, городские легенды и маршруты паломников...

В целом многое в дневнике до сих пор остается на периферии интересов исследователей. Это и неразрывно связанная с пересечением географических, этнорелигиозных и культурных границ проблематика «образа Другого», и отличительные черты и возможности интересующего нас текста как геоисторического источника, содержащего важные сведения об организации путешествия и особенностях восприятия пространства, и круг знаний и интересов автора дневника, и характер его восприятия и эмоциональных реакций – всё это в имеющихся работах скорее намечено, чем досконально изучено, и требует дальнейших изысканий. Автор данной статьи видит свою задачу в том, чтобы хотя бы отчасти восполнить эти пробелы и дать цельную, хотя и неизбежно компактную, характеристику дневника и его автора.

Автор дневника

Фигура дона Фадрике Энрикеса де Рибера привлекала внимание многих историков [González Moreno, 1963; García Martín, 1997; González Jiménez, 2001]. По отцу, Педро Энрикесу, он происходил из рода адмиралов Кастилии и был кузеном короля Фернандо Католического, по матери принадлежал к почти столь же знатному роду Рибера, за которым с конца XIV в. закрепился титул главного аделантадо⁵ Андалусии. Уже в 10 лет он вступил в орден Сантьяго, в 1491 г. получил энкомьенду⁶ Беас, в 1494 г. — более доходную энкомьенду Гуадальканалъ [González Moreno, 1963: 208, 210]. Фадрике было 14 лет, когда у стен осажденной Гранады принц Хуан Арагонский посвятил его в рыцари.

⁴ Историки Мануэль Гонсалес Хименес, Мария дель Кармен Альварес Маркес и Карлос Мартинес Шо, историк искусства Висенте Льео Каньяль, филолог Висенс Бельтран.

⁵ Главный аделантадо — назначаемое Короной должностное лицо с очень широкими военными и административными полномочиями. Обычно управлял пограничными землями.

⁶ Здесь: орденская сеньория, доходами с которой пожизненно пользовался получавший ее член ордена — командор.

В 1509 г. умер бездетным его старший брат Франсиско, и Фадрике объединил в своих руках всё состояние своих родителей, став одним из самых богатых аристократов Испании. Заметим, что Энрикесы де Рибера, как и многие дворяне Андалусии, не чуждались предпринимательства, участвовали и в морской торговле; отец дона Фадрике владел собственным торговым судном [Aranda Bernal, 2012]. Богатство дополнялось властью: дон Фадрике пользовался огромным влиянием в управлении родным городом, одновременно занимая посты *veinticuatro* и главного алькальда Севильи⁷.

Мы не располагаем прямыми сведениями о том, чему и как учили дона Фадрике, однако опись имущества маркиза и каталог его библиотеки [Lleó Cañal, 2022: 230–238; Álvarez Márquez, 1986] свидетельствуют о хорошем образовании и широких интересах. Наряду с книгами религиозного содержания в библиотеке представлены многие авторы и основные отрасли знания того времени: античные историки и философы, кастильские хроники, труды по праву и по географии, описания путешествий, произведения итальянских ренессансных авторов — Петрарки, Боккаччо, Леонардо Бруни и др.

Как показала Альварес Маркес, значительная часть включенных в каталог книг находилась в распоряжении маркиза еще до его путешествия, и к некоторым из них, посвященным Святой Земле и древностям Рима, он наверняка обращался в преддверии паломничества — например, к книге Бернхарда фон Брайденбаха «Паломничество в Святую землю», популярной в то время по всей Европе и в 1498 г. изданной на испанском [Breydenbach, 1498]. Прочитанные книги, разумеется, влияли на восприятие всего увиденного, иногда даже его формировали.

В описи имущества наряду со шпалерами на библейские темы представлены и античные сюжеты: битва Александра с Дарием, Геркулес, Купидон. Перечислены несколько карт мира и портуланов (включая «карту плавания к Индиям»), карты Италии и неких не названных архипелагов, глобус, компасы. Наконец, собрание монет и медалей, несомненно, следует рассматривать в контексте коллекционирования ренессансного толка. В описи упомянуты,

*Дон Фадрике Энрикес де Рибера.
Портрет XVII в. Госпиталь
Пяти ран Христовых (ныне здание
Парламента Андалусии)*

⁷ *Veinticuatro* — муниципальный советник в городах Андалусии; то же, что *рехидор* в Кастилии. Главный алькальд — высшее должностное лицо в городском совете с широкими судебными и административными функциями.

в частности, 867 серебряных медалей и монет (помимо золотых и медных) с подзаголовком «серебряные медали с фигурами древних».

Такой широте интересов и открытости новым веяниям способствовала сама интеллектуальная среда Севильи — «Нового Рима» [Lleó Cañal, 2012:11], космополитического мегаполиса, служившего главными

воротами в Новый Свет и в то же время тесно связанного со Средиземноморьем. В Севилье несложно было собрать сведения о разных странах и тщательно подготовить путешествие.

Определенная проблема заключается в том, что доступные источники не позволяют отделить сведения об образовательном уровне и широте интересов маркиза Тарифы, каким он был до паломничества, от того, каким стал после и вследствие него. Если для оценки второго историки располагают рядом документов, то о первом можно судить только на основании того, как именно он выстроил маршрут путешествия и каким предстает в дневнике.

В 1514 г. дон Фадрике получил титул маркиза Тарифы, чем очень гордился (в ту пору такой титул носили в Испании немногие аристократы) и большего, похоже, не желал. Маркиз хоть и был командором военного ордена Сантьяго, не отличался особой воинственностью. Ни к придворной, ни к административной карьере он, насколько можно судить, тоже не стремился. Вполне мог бы провести остаток жизни в Севилье и ее окрестностях, наслаждаясь богатством и почетом. Однако 24 ноября 1518 г. 42-летний аристократ сменил покой привычной, «домашней» жизни на манящую реальность дальнего пути и отправился из своего замка Борнос в Иерусалим.

Паломничество или путешествие?

Причины решения дона Фадрике коренятся в его глубокой религиозности, но к ней не сводятся. Как известно, после завершения Реконксты идея ее продолжения в Африку и на Восток была очень популярна, равно как и идея «мирного Крестового похода» — не случайно Педро Гарсиа Мартин именно так назвал свою книгу о паломничестве дона Фадрике [García Martín, 1997]. Насколько можно судить, маркиз полагал, что своим паломничеством он воплотит мечту своих предков.

Вид Севильи. Раскрашенная гравюра второй половины XVI века из книги «Civitates orbis terrarum»

1518–1520 годы, когда маркиз находился в пути, отмечены важными событиями и в Испании, и в целом в Европе, да и во всем мире. Как раз в это время состоялись кругосветное плавание Магеллана и Эль Канона и завоевание Кортесом державы ацтеков, в Италии творили гении Высокого Возрождения, в Германии начиналась Реформация, а в Испании приход к власти династии Габсбургов сопровождался бурными потрясениями восстаний Комунерос и Жерманий. Стремительно менялась и ситуация в Средиземноморье, где Османская империя разгромила в 1516–1517 гг. Мамлюкский султанат и одновременно с наступлением на Балканах начала продвижение на запад в Северной Африке с целью установить контроль над Тунисом и Алжиром. Некоторые из этих событий повлияли и на странствия дон Фадрике.

Паломничеству благоприятствовало стечение разных обстоятельств: были урегулированы дела, связанные с управлением владениями, в Севилье и в целом в Испании ситуация казалась спокойной, а затишье в Итальянских войнах сделало сравнительно безопасным путь по Франции и Италии. Правда, в 1516–1517 гг. Иерусалим перешел под власть турок, но в 1518 г. еще не было оснований бояться, что его посещение станет труднее и опаснее.

По возвращении домой дон Фадрике переработал дневниковые записи, которые он, несомненно, вел в течение всего путешествия. В результате возник тот беловой текст (переписанная каллиграфическим почерком рукопись на пергамене), который хранится в Национальной библиотеке в Мадриде (Mss/9355) и доступен в оцифрованном виде⁸. Рукопись была закончена, скорее всего, вскоре после возвращения в Севилью, однако не ранее 1523 г. (поскольку Родос, захваченный османами в начале этого года, упоминается уже как турецкий), при этом впервые издана только в 1606 г. в Севилье⁹.

Страница рукописи дневника Маркиза Тарифы. Мадрид.
Национальная библиотека (Mss/9355)

⁸ Enríquez de Rivera F. Este libro es del viaje que yo, don Fadrique Enríquez de Rivera, marqués de Tarifa, hice a Jerusalén. URL: <http://bdh.bne.es/bnesearch/CompleteSearch.do?showYearItems=&field=todos&advanced=false&exact=on&texth=&completeText=&text=enriquez+de+ribera&pageSize=1&pageSizeAbrv=30&pageNumber=11> (accessed: 16.02.2026).

⁹ В 2021 г. книга переиздана факсимильно: [García Fernández, 2021].

В тексте скрупулезно отмечены все перемещения между населенными пунктами, всегда указываются пройденные за день расстояния, места обедов и ночлегов, поэтому реконструировать маршрут дона Фадрике и его спутников в большинстве случаев несложно, а лакуны не имеют принципиального значения.

Всё путешествие делится на несколько этапов. Это сухопутные отрезки пути по Испании, Франции и Савойе, а затем и Италии, морской путь от Венеции до Яффы, пребывании в Святой Земле, возвращение на кораблях в Венецию, еще одно путешествие по Италии и, наконец, путь домой, вновь через Францию и Испанию.

Сопровождаемый помощниками и слугами, маркиз Тарифа проследовал по Испании вдоль средиземноморского побережья до границы с Францией (24 ноября 1518 г. — 29 января 1519 г., чуть больше двух месяцев), немногим больше месяца потребовалось на путь по Франции через Лангедок, Прованс и Дофинэ до границы с Пьемонтом, около двух месяцев — на путь по Италии до Венеции. Там дон Фадрике и его спутники провели 50 дней в ожидании отплытия кораблей в Святую Землю. Около месяца продлилось морское путешествие от Венеции до Яффы, два с половиной месяца — обратная дорога с остановками на Кипре, Родосе и других островах, и лишь две недели приходится на основную цель всего путешествия — короткое, но очень насыщенное впечатлениями пребывание в Святой Земле.

По возвращении в Венецию паломники задержались там еще на два месяца. Затем они месяц добирались до Рима, три месяца провели в Вечном городе, оттуда по сложной траектории через Неаполь добрались до Генуи, что заняло почти три месяца. После трех недель в Генуе темпы движения резко убыстряются: через пять дней путники уже покинули пределы Италии. Хотя по Франции маркиз возвращался домой более длинным путем — через Тулузу и Байонну, на сей раз он провел в стране меньше месяца, и еще месяц ушел на путь по Испании.

Таким образом, из 23 месяцев, в общей сложности проведенных в путешествии, немногим более четырех месяцев приходится на путь — туда и обратно — по Испании и Франции, еще четыре — на морские отрезки пути и на пребывание в Святой Земле. Остальные почти 15 месяцев маркиз провел в Италии, которой, очевидно, придавал особое значение.

Обратимся к пространственным характеристикам путешествия: к маршруту, способам и скорости передвижения, остановкам. Разумеется, некоторые характеристики избранного маршрута были заданы самой сутью паломничества, предполагающего приближение к Богу через преодоление трудностей пути. Сесть на корабль в одном из портов Андалусии или Валенсии и добраться до Неаполя или Генуи морем (и тем же путем возвращаться) было в целом проще и быстрее. В XVI в. доставка паломников морем уже была поставлена на поток. Конечно, риски кораблекрушения и особенно нападения пиратов оставались, а в отношении последних даже

увеличивались, но ведь и сухопутный путь с его бездорожьем, нередко плохой водой, опять же разбойниками и, наконец, с заснеженными альпийскими перевалами отнюдь не был легкой и безопасной прогулкой. Дело, видимо, в том, что преодоление трудностей тяжелого пути через горы для странников, направляющихся из-за Альп в Италию (и через нее далее на Восток), давно уже стало традицией и рекомендацией для паломников, и маркиз знал об этом заранее.

Путь по Испании и Франции

По Испании маркиз и его спутники направились к границе с Францией наиболее коротким путем. Уже скорость передвижения (до 9 лиг в день) показывает, что по суше паломники ехали на мулах или лошадях, хотя прямо об этом говорится только в связи с Испанией. При передвижении по Андалусии и Новой Кастилии скорость была выше, нередко путники преодолевали в день 7-8 лиг. В землях Арагонской короны путешествие замедлилось (возможно, по причине более гористого рельефа), чаще всего в день одолевали 3-4 лиги (без учета остановок).

Во Франции путешественники не так спешили — в среднем около трех лиг в день; почти исчезли длительные переходы в 7-8 лиг. Возможно, это связано с необходимыми предосторожностями при пересечении чужой страны, но с той же вероятностью может объясняться желанием увидеть как можно больше интересного. В Альпах часть маршрута из-за обилия снега пришлось преодолевать на санях.

В дневнике отмечены те дни, когда паломники не выходили в путь, полностью проводя один или несколько дней в каком-либо городе или селении. По пути в Италию таких дней оказалось 23 из 68 в испанской части маршрута и 14 из 44 — во французской, однако, похоже, причины этих остановок различны. В Испании они связаны либо с тем, что на тот день приходился религиозный праздник, либо с трудностями пути (исключение — посещение святынь Монсеррата). Очевидно, маркиз не хотел задерживаться на испанской земле, остановки там носили вынужденный характер. Дон Фадрике

*Монастырь Монсеррат близ Барселоны.
Фрагмент рисунка А. ван дер Вейнгаarde. 1563 г.
Австрийская национальная библиотека (Mss/9355)*

не сделал остановок ни в Валенсии, ни в Барселоне, хотя пару раз отметил увиденные по пути «достопримечательности»: соборы Таррагоны и Жироны, античный театр в Сагунто.

Во Франции маршрут был более извилистым, что явно объясняется желанием увидеть места, находившиеся в стороне от прямого пути, и остановки объясняются именно желанием осмотреть их, а не трудностями или праздниками. В этой части дневник содержит описания 13 городов и монастырей (Нарбонн, Безье, монастырь Сен-Жиль, Монпелье, Арль, Авиньон, Марсель и другие). Упоминаются такие элементы урбанизма, как порт (Марсель), мосты (в частности, полностью застроенный мост в Нарбонне), речное судоходство и паромы, еврейские кварталы (Авиньон), университет (Монпелье). Но главное внимание уделено монастырям, церквям и реликвиям.

Вступив в Италию, маркиз и его спутники проследовали через Пьемонт, Ломбардию и некоторые города Средней Италии в Венецию. Оттуда дон Фадрике отправился в Иерусалим морем и туда же вернулся. Поскольку итальянские страницы дневника разделены на две части описанием путешествия по Восточному Средиземноморью и пребывания в Святой Земле, то к ним мы вернемся позже.

Паломник. Рисунок из рукописи дневника маркиза Тарифы. Мадрид. Национальная библиотека

Туда и обратно по Восточному Средиземноморью

Морские отрезки путешествия описаны в дневнике немного иначе, чем сухопутные. Во-первых, выбор маршрута и остановок на нем, а также скорость передвижения не зависели от паломников и определялись условиями навигации и волей владельца корабля. Соответственно, ограничены были и возможности маркиза осматривать то, что его интересовало, поэтому от морских отрезков путешествия не стоит ожидать таких описаний, несущих на себе отпечаток его индивидуальности, какие делались на суше. Во-вторых, маркиз, судя по всему, к тому времени не имел опыта морских путешествий, и его оценки преодоленных расстояний в ряде случаев гораздо дальше от реальных, чем это было на суше, где, напротив, они очень точны. В-третьих, ограниченный на протяжении длительного времени пространством судна, он иногда отмечает бытовые детали, какие отсутствуют в отношении сухопутной части маршрута (например, предлагаемое на борту питание).

Характер и условия морского путешествия во многом определялись договором каждого паломника с владельцем корабля (патроном). Заключив такой договор для себя и своих слуг, маркиз подробно изложил его содержание

в своем дневнике¹⁰. В нем определялись размеры и порядок оплаты, сроки путешествия, количество и продолжительность остановок, условия жизни на корабле, качество питания, гарантии безопасности и многое другое. Сами по себе такого рода договоры были типовыми, однако в нашем случае интересна содержащаяся в дневнике оценка соответствия оговоренных условий реалиям путешествия¹¹. Глубокая религиозность не помешала дону Фадрике отметить недостатки в организации плавания. Так, лоцман знал маршрут только до Родоса, там пришлось взять другого. В мясные дни еда на корабле оказалась не так хороша, как было обещано, а в рыбные — хуже некуда. Некоторые остановки оказались гораздо длительнее оговоренного. Пункт о вооружении тоже не был выполнен: на борту были лишь две пушки вместо четырех (причем без пушкаря и почти без пороха) и две пары кирас. Команда состояла из 24 моряков, этого было мало для управления большим кораблем и не хватило бы для его защиты в случае нападения. Наконец, вместо опытного лекаря паломников обслуживал простой цирюльник, хоть и располагавший лекарствами.

Морское путешествие из Венеции в Яффу началось 1 июля и завершилось в ночь на 27 июля 1519 г. Описывая путь по Адриатике, автор дневника почти ничего не сообщает о городе Ровинь в Истрии и немногим больше — об острове Закинф, хотя в обоих местах были сделаны остановки. Зато очень любопытна характеристика турецкого берега, вдоль которого прошел корабль. Земля там очень суровая, живут греки. Прежде они подчинялись христианам, теперь же это такие разбойники, что брат захватывает брата как любого другого, и если они захватывают христиан, то отправляются продавать их в землю мавров, а если мавров, то едут с ними в землю христиан. Маркиз отмечает, что вследствие труднодоступности этой земли ее обитателей не смогли подчинить даже турки¹².

Здесь в повествование вплетается тема турецкой опасности. Малочисленность команды и недостаток оружия делали корабль, плывший вдоль берегов Греции, почти беззащитным перед возможным нападением турецких фуст. Патрон на этом экономил, уверяя, что расходы на оборону излишни, поскольку венецианцы туркам друзья, однако, резонно замечает дон Фадрике, для корсаров эти слова мало что стоят.

Параллельно в дневнике возникали и античные ассоциации. Так, на острове Китира маркиз вспоминает, что именно здесь Парис похитил Елену. Однако в целом их немного: помимо Китиры, это мифические древние истоки Ордена госпитальеров, пещеры на острове Кос, которые традиция связывала с Гиппократом, развалины Галикарнасского мавзолея — вот, пожалуй,

¹⁰ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltran V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida... P. 212–214.

¹¹ Ibid. P. 214–215.

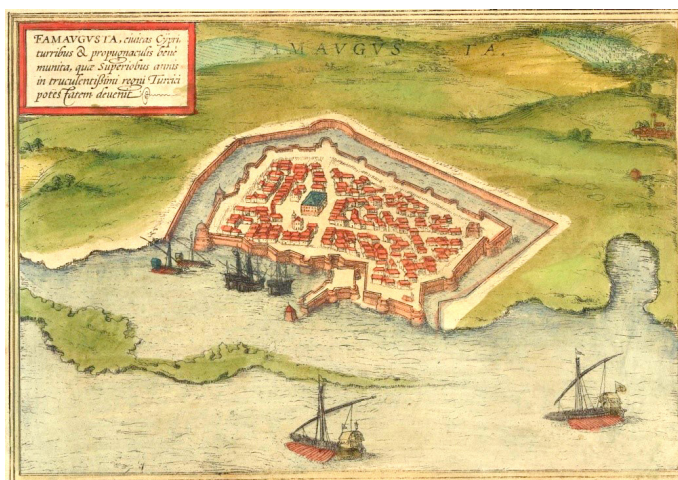
¹² Ibid. P. 216.

и всё. Можно предположить, что маркиз видел на островах и другие античные древности, однако не счел нужным их упомянуть. Иногда он вспоминает и христианские древности вроде сосуда из монастыря в Фамагусте («из тех, что были на свадьбе в Кане»).

Достаточно подробное описание пребывания паломников в Святой земле — отдельная тема со своей проблематикой, своими традициями изучения [Armstrong, 2021] и почти необъятной библиографией, поэтому здесь на нем нет возможности останавливаться.

Возвращение из Палестины оказалось гораздо продолжительнее, чем путь к ней, с 20 августа по 4 ноября 1519 г., что вызвано как встречными ветрами и бурями, так и длительной остановкой на Кипре, о котором рассказывается довольно подробно. Маркиз оказался на острове через 30 лет после того, как тот перешел под власть Венеции, и мнение стороннего наблюдателя представляет интерес. Дон Фадрике описывает укрепления Фамагусты и Никосии, отмечает убыль населения этих городов. Представляют интерес сведения о системе управления островом, многонациональном составе населения (при преобладании греков). Отдельно маркиз отмечает сосуществование на острове двух церковных организаций, католической и православной — то, чего в Испании его времени быть не могло.

Любопытна характеристика климата острова. Хотя в общем виде ее негативные коннотации он мог почерпнуть и у Брайденбаха (видимо, это было общее место, поскольку о нездоровом климате Кипра, плохом воздухе и воде упоминает и Тафур), однако описание дон Фадрике содержит детали, которых нет ни у Тафура, ни у Брайденбаха. Солнце на острове, пишет он, такое жгучее и яркое, что путешествовать лучше ночами. Те, кто сюда прибывает, если не хотят умереть или заболеть, должны остерегаться и злого солнца, и сильных ветров, опасных для разгоряченных путников, и даже местных фруктов: в большом количестве они болезнетворны. То, что это плохая земля, видно в цвете кожи местных жителей: селяне — любопытное сравнение — выглядят, как индейцы с Антильских островов, да и благородные люди немногим белее. Опасность, которую эта земля представляет для странников, очевидна в монастырях: там такое множество гробниц паломников,

Вид Фамагусты.
Раскрашенная гравюра второй половины XVI века
из книги «Civitates orbis terrarum»

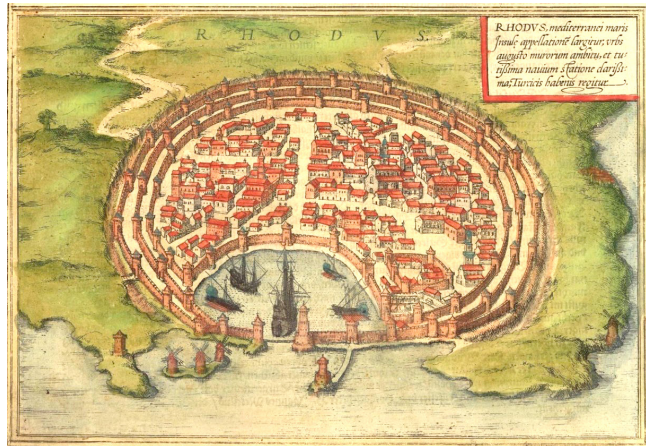
что возникает впечатление, что их привозят туда умирать. Следует, однако, отметить, что негативная характеристика климата острова могла быть вызвана недовольством длительностью остановки: 22 дня вместо восьми запланированных.

Отдельно и весьма подробно рассказывается о Родосе, хотя паломники и по пути в Святую Землю, и на обратном пути пробыли там лишь по паре дней.

О некоторых приведенных им сведениях маркиз упоминает, что получил их от великого магистра ордена, однако подробное, четко структурированное и стилистически отличающееся от остальных частей книги описание устройства ордена явно свидетельствует об опоре на письменные источники (в библиотеке дона Фадрике имелись книги о Родосе, причем написанные как до паломничества, так и после него). Тем не менее в тексте явно звучит и голос самого маркиза, с его опытом Гранадской войны и крестом Сантьяго на плаще, так что Орден госпитальеров, оплот христианской Европы в Восточном Средиземноморье, вызывал у него неподдельный интерес, проявившийся, в частности, в описании укреплений острова, в целом надежных, но не без недостатков.

Дальнейший рассказ об обратном пути гораздо лаконичнее. Относительно подробно характеризуется лишь Зара (Задар), крупный торговый город, красивый и с широкими улицами, центр архиепископства. Маркиз перечисляет главные храмы и монастыри города и хранящиеся там мощи святых, останавливается на особенностях церковной службы: она на латыни, но некоторые мессы, говорят, проводятся на славянском языке, и Евангелие читают на обоих языках, чтобы людям было понятно. Зара всего в 20 милях от границы с османами, нависающая над городом турецкая опасность проявляется и в сокращении торговли, и во внимании города к своим укреплениям, и в том, что ворота города вечером рано закрываются.

Будучи паломником, автор и в этой части дневника основное внимание сосредоточивает на христианских древностях, мощах святых и т.д.; античные древности не на первом плане. В то же время дон Фадрике — рыцарь и воин, вопросам военной безопасности он уделяет больше внимания, чем античным и христианским древностям, вместе взятым (за исключением, конечно, Святой Земли).

Вид города Родос. Раскрашенная гравюра второй половины XVI века из книги «Civitates orbis terrarum»

Маркиз, человек с богатым жизненным опытом и широким кругозором, замечает и отмечает в своем дневнике немало любопытных деталей, касающихся демографического упадка региона, полиэтнического состава населения, сосуществования греческой и латинской церкви. Но лейтмотивом выступает турецкая угроза, ее нависшая тень видна на всех участках восточно-средиземноморского маршрута дона Фадрике.

*Церковь Святого Доната в Задаре. IX в.
Перед ней — остатки римского форума, на заднем
плane — колокольня собора Св. Анастасии*

По Италии

Первым крупным итальянским городом, в который прибыл дон Фадрике, был Турин, оттуда он отбыл через Виджевано в Павию, из нее в Милан (осмотрев по пути Чертозу). Далее последовали Брешиа, Верона, Мантуя, Болонья, Феррара, Падуя и, наконец, Венеция, откуда паломники морем отбыли в Иерусалим.

Вернувшись из Святой Земли в Венецию и проведя там два месяца, маркиз продолжил знакомство с Италией по такому маршруту: Флоренция — Сиена — Витербо — Рим — Гаэта — Неаполь — Поццуоли — Капуя — Монтекассино — Тиволи — Сполето — Ассизи — Лорето — Анкона — Перуджа — Сиена — Пиза — Лукка — Пистойя — Флоренция — Болонья — Модена — Реджо-Эмилия — Парма — Пьяченца — Павия — Генуя.

В целом обе части итальянского итинерария — до и после морского путешествия — выглядят выстроенными достаточно умело в соответствии с интересами глубоко религиозного и обладавшего широким кругозором иностранца; скорее всего, маршрут в целом был продуман заранее либо кто-то из свиты дона Фадрике ранее уже посещал Италию.

Маркиз тщательно фиксировал в дневнике все остановки, но во многих случаях ограничивался словами о ночлеге или обеде. На примерно 70 итальянских городов и местечек, которые упомянуты только в этой связи, приходится около 50, о которых сказано что-то еще. Среди них чуть больше половины таких, когда упоминаются лишь один-два факта: что город — центр епископства, или что он расположен на берегу озера, или что он окружен стеной... Остальные — крупные города и знаменитые монастыри, рассказ о которых подробнее: от нескольких строк до нескольких страниц. В больших городах маркиз обычно проводил от полутора дней до недели. Исключений всего несколько: Милан (15 дней), Павия (неделя при первом

посещении и неделя — при втором), Болонья (соответственно 8 и 6 дней), Флоренция (6 и 7 дней), Генуя (три недели), Рим (три месяца) и, наконец, Венеция (50 дней перед отплытием в Святую Землю и два месяца после возвращения).

К причинам длительной остановки в Генуе мы еще вернемся, что же касается Венеции, то они, казалось бы, легко объяснимы обстоятельствами поездки: на пути туда нужно было дожидаться отплытия кораблей в Святую Землю, которые отправлялись в строго определенные месяцы и числа, на обратном же пути паломники, видимо, нуждались в отдыхе после интенсивных религиозных переживаний и долгого плавания. Однако тут есть свои нюансы. Как уже было отмечено, морской путь из Венеции в Яффу и пребывание в Святой Земле тщательно регламентировались (в отличие от пути до Венеции, который каждый паломник проходил по своему маршруту и в своем ритме). Корабли в Яффу отплывали из Венеции дважды в год — весной и летом. Маркиз Тарифа, прибыв в Венецию в начале мая, видимо, опоздал на те, что отправлялись весной, и должен был ждать июля.

В аналогичной ситуации оказался за 80 лет до этого Перо Тафур (хотя срок ожидания у него был больше — три месяца). Он воспользовался имевшимся временем, чтобы посмотреть другие города, причем, узнав о задержке, сначала соби-
рался за эти три месяца посетить дворы императора и короля Франции, и лишь советы друзей обратили его внимание на достоинства Италии¹³. Энрикес де Рибера, напротив, остался в городе святого Марка, хотя, исходя из имевшегося в его распоряжении времени, мог успеть посмотреть, например, Тоскану или Умбрию. И если предпочел остаться в Венеции, то явно имел к ней особый интерес, обусловленный, видимо, разными причинами. Это ее богатство, великолепие дворцов, особая роль в средиземноморской торговле, но прежде всего, видимо, особенности политического устройства, обеспечившие ей невиданную в других местах стабильность, которая многими воспринималась как идеал.

Вид Венеции. Раскрашенная гравюра второй половины XVI века из книги «Civitates orbis terrarum»

¹³ Tafur P. Andanças é viajesde PeroTafur... P. 21. Хотя имеется превосходно изданный русский перевод (Тафур П. Странствия и путешествия. Пер., предисловие и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса. Москва. Индрик. 2006. 296 с.), из-за принятой там сложной и способной запутать читателя системы пагинации я предпочел ссылаться на испанское издание.

В целом, естественно, маркиз проводил больше времени в наиболее крупных городах, богатых христианскими святынями и достопримечательностями, которые потому и описаны наиболее подробно; однако связь не всегда прямо пропорциональна. Так, рассказ о Генуе, где маркиз задержался на три недели, вдвое короче, чем о Пизе или Сиене, где он провел лишь по паре дней.

Рассказывая о крупном городе, дон Фадрике обычно использовал общую схему, рубрики которой время от времени менял местами: размеры города, его красота, наличие или отсутствие реки, элементы рельефа, городские стены, замки и крепости, улицы (узкие либо широкие, прямые либо извилистые, крутые либо пологие), дома и дворцы (иногда и загородные резиденции). По объему в целом преобладает следующий блок сведений, связанный с религией. Это церковный статус, собор, главные церкви и монастыри города, а также госпитали (в том числе их доходы и расходы).

Подчас сообщается о богатствах города и наиболее состоятельных горожан, о принятых в нем обычаях. Могли также добавляться сведения о портовых сооружениях (если город стоял на море), еврейских кварталах, связанных с городом событий (например, в рассказе о Верчелли, хотя он очень краткий, упоминается, что в монастыре святого Андрея после убийства Томаса Бекета каялся Генрих II Английский). Упоминаются древности, необычные сооружения, такие как «падающие» башни в Болонье и Пизе, университеты. Любопытно, что, хотя маркиз посетил многие итальянские университетские города, о наличии *estudio general* говорится редко (Турин, Павия, Болонья, Перуджа), обойдена даже Падуя.

Дон Фадрике оценивает размеры городов (хотя почти никогда не приводит численности населения): большой, средний, маленький, причем последнее говорится подчас о городах достаточно важных. Например, Лукка названа «lugar pequeño», хотя население там было по тем временам далеко не маленьким — около 30 тыс. Возможно, на оценку влияла компактность территории, но надо также иметь в виду, что маркиз вырос в Андалусии, где имелись города очень большие и по итальянским меркам: Гранада, Малага, Севилья. Иногда он отмечает, что по сравнению с размерами территории, огороженной стеной, город заселен сравнительно слабо, хотя не делает из этого вывода о расцвете города, оставшемся в прошлом, или, во всяком случае, не заносит его в дневник.

Кампанила Джотто, Флоренция

Увиденные города, как правило, оцениваются как красивые; при этом маркиз мог использовать слово *hermoso*, но чаще – *bueno*. Так, Генуя очень красива снаружи, и дома там хорошие. Во Флоренции есть очень хорошие дома, но их мало, и лучшее в них — это порталы; собор и баптистерий упоминаются без оценки, зато колокольня — знаменитая кампанила, созданная по проекту Джотто, названа очень красивой. В Пизе, напротив, собор и баптистерий названы очень хорошими, «гораздо лучше, чем во Флоренции»¹⁴. Неаполь красивее снаружи, чем изнутри. В целом оценки дон Фадрике отличаются сдержанностью, его язык не без оснований иногда называют «эмоционально спартанским» [Wunder, 2003: 202], что особенно заметно в сравнении со стилем Перо Тафура.

Много внимания маркиз Тарифа уделяет госпиталям и системе благотворительности в целом. Для каждого города он указывает их число, размеры рент, иногда рассказывает о здании (например, о главном госпитале Милана). В рассказе о Флоренции говорится о двух госпиталях, один для больных, второй — для воспитания детей, причем в обоих случаях расходы превышают ренты, а разница покрывается за счет милостыни. Интерес к госпиталям легко объясним: в Севилье дон Фадрике являлся патроном госпиталя Пяти ран Христовых, предстояло строительство нового большого здания, и, разумеется, он хотел собрать сведения о лучших образцах устройства такого рода заведений.

Баптистерий собора в Пизе

Баптистерий собора во Флоренции

Профессиональный военный, маркиз обращал внимание на городские стены и цитадели, оценивал расположение города с точки зрения удобства его обороны (так, отмечено, что расположение Брешии у подножия горы делает город более уязвимым¹⁵).

Профессиональный военный, маркиз обращал внимание на городские стены и цитадели, оценивал расположение города с точки зрения удобства его обороны (так, отмечено, что расположение Брешии у подножия горы делает город более уязвимым¹⁵).

¹⁴ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltran V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida... P. 322–323.

¹⁵ Ibid. P.194.

Будучи сам очень богатым человеком, маркиз постоянно обращал внимание на ренты правителей, институтов и частных лиц, а также на источники богатств городов. Так, Милан, Неаполь, Генуя названы торговыми городами, а Верона и Мантуя – не торговыми. Он отмечает, например, что в Сиене 20 горожан располагают рентой в 100 тыс. дукатов каждый (в Испании такой ренты не имели даже самые богатые аристократы). Любопытны в этой связи упомянутые им различия между загородными домами флорентийцев и генуэзцев: если первые, служа летними резиденциями, хоть и требуют расходов, однако приносят и доход, то вторые обходятся своим владельцам очень дорого, но считаются обязательным атрибутом высокого положения¹⁶. За отсутствием свободного места такие виллы часто располагались на скалах над Генуей.

Дона Фадрике явно заинтересовало политическое устройство итальянских городских республик. Он ни словом не упоминает организацию управления ни в Милане, где в это время господствовали французы, ни в испанском Неаполе, ни в герцогствах Мантуя и Феррара, зато характеризует должности, полномочия и порядок выборов в городских республиках – Флоренции, Сиене, а особенно подробно — в Венеции. Скорее всего, такая детализация была вызвана интересом маркиза к проблеме наилучшего общественного устройства и его личным опытом участия в управлении как Севильей, так и своими владениями, ведь злоупотребления в выборах должностных лиц были в Кастилии обычным делом. У Тафура тоже есть описания политического устройства Венеции и Флоренции¹⁷, но по сравнению с детальным рассказом маркиза они выглядят очень скромно.

Зато у Тафура много описаний людей, с которыми его сталкивала судьба (прежде всего правителей), в том числе подробных, изобилующих яркими деталями. А у маркиза Тарифы — удивительное дело — людей в повествовании как будто нет вовсе. Святые и государи упоминаются почти исключительно в связи с их могилами, которые он видел.

Особое внимание привлекают те пассажи дневника, в которых упоминаются древности, события и персонажи античной истории и мифологии, а также то, что непосредственно относится к культуре Возрождения. Таких упоминаний в тексте немного — гораздо меньше, чем дон Фадрике на самом деле видел¹⁸. Если говорить об античных реминисценциях, то любопытно, что у маркиза, современника Высокого Возрождения, их значительно меньше, чем у Перо Тафура, жившего почти столетием раньше. Так, в дневнике упоминаются «coliseo muy grande» в Вероне и арка Траяна в Анконе¹⁹,

¹⁶ Ibid. P. 315–316, 337.

¹⁷ Tafur P. Andanças é viajes de Pero Tafur... P. 208, 292.

¹⁸ Возможно, таких упоминаний было бы больше, но следует иметь в виду, что античные древности не были для маркиза чем-то невиданным: в окрестностях Севильи их было немало.

¹⁹ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltrán V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida... P. 195, 330.

говорится об основании Сиены Ромулом. Любопытно, что само слово «древности» (*antigüedades*) упоминается только в связи с окрестностями Неаполя (Поццуоли, Аверса), зато сразу четыре раза²⁰. Можно предположить, что кто-то подсказал маркизу, что «настоящие древности» нужно смотреть именно в тех краях, поэтому в других местах он просто не считал нужным упоминать их. В этой связи можно вспомнить, что и в морской части дневника описания античных памятников приводятся не всегда, когда автор их скорее всего видел.

Вид Вероны. Раскрашенная гравюра второй половины XVI века из книги «*Civitates orbis terrarum*». Справа отдельно изображен римский амфитеатр («колизей»)

Разумеется, показательным в плане отношения к древностям был бы рассказ о Риме, тем более что дон Фадрике провел там целых три месяца. Однако, отметив сам факт пребывания там и приведя даты приезда и отъезда, он загадочным образом этим и ограничился — поразительный факт, насколько мне известно, пока не получивший правдоподобного объяснения. Гарсиа Мартин объясняет это тем, что в Риме у маркиза были дела, и он не хотел смешивать земное и духовное, либо тем, что ему не хотелось лишний раз повторять общеизвестное [García Martín, 1997: 111–112]. Однако вряд ли земные дела могли так отвлечь его от духовных, чтобы он их даже не упомянул; в то же время умалчивать именно о Риме, коль скоро говорится обо всем остальном, выглядит немного странно. Не могу согласиться и с мнением М. Морана Турины, который объясняет молчание автора отсутствием интереса, ведь в Севилье тот не видел ничего современного поздней готики и потому оставался в плену средневековых представлений [Morán Turina, 2010: 75, 102]. Во-первых, дон Фадрике находился в паломничестве, и сложно представить себе, что, благоговейно воспринимая святые места не только Иерусалима, но и многих городов Италии и Франции, он не

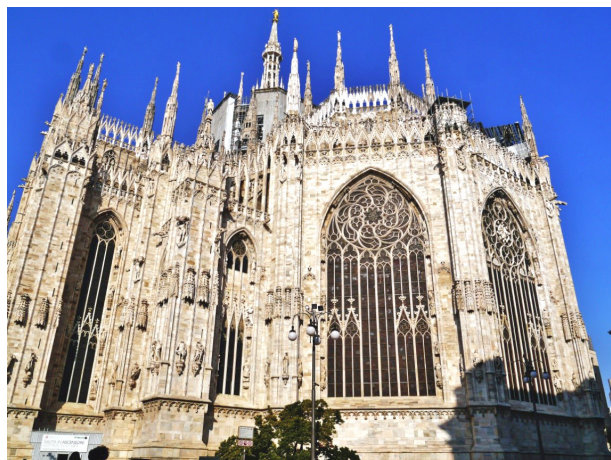
²⁰ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltrán V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida... P. 322–323.

испытал ничего подобного у римских гробниц апостолов Петра и Павла. Во-вторых, до прибытия в Рим он посетил с десятков знаменитых городов Италии и все их описал. В-третьих, состав библиотеки маркиза, включавшей книги о святынях и древностях Вечного города, свидетельствует о том, что либо ее владелец направлялся в Рим, уже интересуясь его памятниками, либо приобрел книги во время пребывания там, следовательно, город произвел на него сильное впечатление. Что же касается отсутствия описания, то, на мой взгляд, скорее всего маркиз имел в виду записать свои римские впечатления отдельно, но по какой-то причине не сделал этого либо текст не дошел до нас.

Впрочем, важность деловой части пребывания маркиза в Риме совершенно очевидна: в феврале–апреле 1520 г. папа Лев X пожаловал привилегии ему самому и севильскому госпиталю Пяти ран Христовых, патроном которого он являлся [González Moreno, 1963: 235; Plaza, 2018: 19].

Фадрике Энрикес де Рибера посетил Италию в годы расцвета Высокого Возрождения; достаточно сказать, что в Милане он мог бы увидеть «Тайную вечерю» Леонардо, во Флоренции — «Давида» Микеланджело, в Риме — фрески и картины Рафаэля. Мы мало что знаем о том, какие именно архитектурные шедевры Возрождения он видел и как их воспринимал. Судя по тексту дневника, наиболее сильное впечатление на него произвели дворцы Флоренции и Венеции, Пиза, но в особенности Миланский собор и Чертоза. В некоторых случаях он сравнивает, прямо или косвенно, итальянские соборы с севильским. Любопытно, что соборы Венеции и Сиены он, отдавая должное их красоте и богатству, называет маленькими (*yglesia pequeña*), что, разумеется, можно объяснить только сравнением с огромным Севильским собором. Не законченный на тот момент Миланский собор маркиз называет темным внутри (за исключением хора), зато считает, что снаружи он красивее севильского, отмечая множество пинаклей и статуй.

Павийская Чертоза описана подробнее любого другого памятника архитектуры и названа «лучшим сооружением, какое только может быть». Маркиз выделяет портал главного фасада, украшенный бюстами и статуями (хотя тот еще на треть не закончен), упоминает росписи сводов, инкрустированный пол, алтари, мраморные детали облицовки. Восхищаясь размерами

Апсида Миланского собора — та его часть, которой восхищался маркиз Тарифа

здания и богатством его отделки, маркиз не мог не иметь в виду, что Чертоза была картузианским монастырем, т.е. относилась к тому же ордену, что и севильский монастырь Санта Мария де лас Куэвас, в котором Энрикесы де Рибера владели капеллой для погребения членов рода.

О других сторонах культуры Возрождения упоминаний в дневнике немного. Сведения о скульптуре в основном сводятся к украшению храмов и надгробиям; едва ли не единственное исключение — упоминание памятника Гаттамелате в Падуе, без указания на авторство Донателло или на свое впечатление; просто констатируется факт, что это отлитый в металле конный памятник военачальнику. О писателях и поэтах Возрождения — одно-единственное упоминание: говорится о месте, где жил «Juan Voscacio» (Боккаччо), причем его названия (Чертальдо) маркиз так и не вспомнил, в рукописи оставлен пробел²¹.

*Монастырь Чертоза близ Павии.
Главный фасад*

*Гробница коннетабля Серджанни
Караччоло в церкви Сан Джованни
а Карбонара в Неаполе*

Достаточно регулярно дон Фадрике описывает или хотя бы упоминает надгробия, увиденные в разных городах Италии: святых (Августина и Боэция в Павии, Доминика в Болонье, Франциска в Ассизи), правителей (королей Анжуйской династии в Неаполе, миланских герцогов в Чертозе, сеньоров Вероны), аристократов, в частности коннетабля Серджанни Караччоло в неаполитанской церкви Сан Джованни а Карбонара. Это надгробие и находящееся там же надгробие короля Владислава Дураццо маркиз назвал лучшими, какие он видел в Италии²².

Завершив свои странствия по Италии, дон Фадрике отправился в обратный путь — вновь через Францию и Испанию.

²¹ García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltran V., Álvarez Márquez M. del C. Paisajes de la Tierra Prometida... P. 331.

²² Ibid. P. 320.

Он освещен в дневнике более скупой, чем путь туда (не говоря об Италии), и явно свидетельствует о спешке. Во Франции маркиз находился с 22 августа по 19 сентября 1520 г., причем из 29 дней шесть пришлось на остановки. За оставшиеся 23 дня было пройдено 163 лиги — более 7 лиг в день.

Из 42 дневных и ночных остановок лишь в девяти случаях упоминается хоть что-то, кроме факта трапезы или ночлега. Относительно подробно охарактеризованы только Тулуза и знаменитые монастыри: Сент-Антуан, где хранятся мощи Антония Великого, и Шартрез. Интерес к последнему объясняется тем, что это была главная обитель ордена картузианцев, к которому принадлежали Чертоза и Санта Мария де лас Куэвас. Рассказ о Тулузе посвящен церквам, монастырям и святым, из прочего упоминаются только длинный мост и парламент. Примечательно, что в рассказе об Оранже, и сегодня восхищающем своими античными памятниками, дон Фадрике не считает нужным хотя бы упомянуть их, а Валанс называет лучшим городом в Дофине, но ничего больше о нем не пишет!

Спешка преследует маркиза и в Испании: отрезок в 40 лиг от Фуэн-террабии до Бургоса он преодолевает всего за шесть дней. Затем дневник обрывается, и о дальнейшем маршруте известно лишь то, что он пролегал через Вальядолид и монастырь Гуадалупе. Можно только предполагать, как именно дон Фадрике пробирался в Севилью по территориям, охваченным восстанием Комунерос, — возможно, он так торопился домой как раз из-за этих событий.

В целом итальянская часть дневника гораздо больше и богаче сведениями, чем испанская и французская, и не только потому, что в Италии автор провел гораздо больше времени и увидел здесь больше городов. Сами описания становятся объемнее и разнообразнее. К примеру, госпитали и античные древности маркиз не мог не видеть и на юге Франции, но их упоминания появляются только в итальянской части дневника. Особый интерес к Италии нельзя объяснить одной лишь религиозностью, хотя важность ее святынь для глубоко верующего маркиза вполне очевидна; несомненно, Италия эпохи Высокого Возрождения заинтересовала кастильского аристократа больше, чем Франция, которая на ее фоне почти потерялась. Именно итальянские впечатления дон Фадрике после его возвращения домой во многом определили его деятельность как мецената, которая, в свою очередь, позволяет лучше понять не только специфику испанского Возрождения или механизмы культурных связей в Западном Средиземноморье начала XVI в., но и страницы дневника.

Севильские отражения

Особый интерес дон Фадрике к погребальной скульптуре объясняется тем, что он решил заказать в Италии надгробия для родителей и раздумывал над тем, какими они должны быть. В конечном счете заказ был сделан в мастерской Гаджини и Биссоне в Генуе, может быть, потому, что именно

в Генуе скульптор Доменико Фанчелли создал надгробие кардинала Диего Уртадо де Мендоса, родственника дон Фадрике, установленное в Севильском соборе незадолго до паломничества и наверняка известное маркизу. Кроме того, Генуя была последним крупным городом Италии, который он посетил: возможно, он хотел получить представление обо всех основных местных школах и мастерских, прежде чем сделать выбор. Наконец, именно из Генуи было дешевле и безопаснее всего привезти тяжелые и громоздкие надгробия морем в Андалусию.

Надгробия украсили зал капитула монастыря Санта Мария де лас Куэвас и оказали сильное влияние на последующее развитие севильской, да и не только севильской, погребальной скульптуры. Стилистически они ассоциировались с Чертозой, которая так понравились маркизу. Следует отметить, что для испанцев начала XVI в. едва ли не главной характеристикой

Гробница кардинала Диего Уртадо де Мендоса в Севильском соборе. Скульптор Д. Фанчелли²³

Надгробные памятники родителей дон Фадрике – Педро Энрикеса и Каталины де Рибера – в монастыре Санта Мария де лас Куэвас. Скульптор А.М. Априле

стиля a lo romano являлись дорогие материалы и роскошь декора — возможно, напоминая им позднюю готику; отсюда и восхищение Чертозой [Lleó Cañal, 2012: 48].

Важнейшим зримым результатом пребывания маркиза Тарифы в Италии стали изменения в облике его главной резиденции, известной сейчас как Дом Пилата. К тому моменту, когда дворец унаследовал дон Фадрике, он был уже сложившимся комплексом,

²³ Здесь и ниже фото автора. — Примеч. ред.

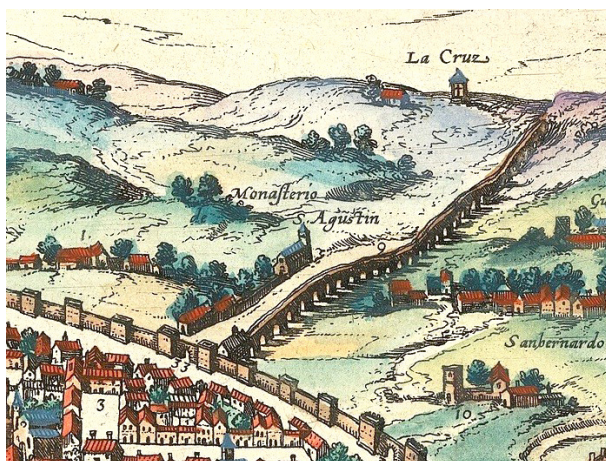
стилистически сочетавшим черты готики и мудехара²⁴, отличался восточной роскошью и не имел ничего общего с итальянским Возрождением.

Именно маркиз Тарифа превратил средневековый дом-крепость, унаследованный от родителей, в ренессансный дом-дворец. К дону Фадрике в конечном счете восходит и название «Casa de Pilatos». Находясь в Иерусалиме, маркиз тщательно замерял размеры святынь и расстояния между ними, в том числе между остановками Крестного Пути

(*Via Crucis*), а после возвращения воссоздал в Севилье сакральную топографию Иерусалима [Pereda, 2012]. *Via Crucis* начинался как раз у дворца маркиза, а заканчивался у большого креста за городскими стенами (исп. Cruz de Campo). Поскольку в Иерусалиме путь начинался от дворца Понтия Пилата, то ассоциация была неизбежной, однако ее ввели в строгие рамки, уподобляя дворец зданию, освященному началом Крестного Пути Христа, но без сравнения самого маркиза с Пилатом.

Внутренний двор Дома Пилата²⁵

Севильский *Via Crucis* — путь от Дома Пилата (обозначен цифрой 3) до креста, который виден на горизонте. Фрагмент вида Севильи из книги «*Civitates orbis terrarum*»

Усилиями дона Фадрике дворец сильно изменился. Из одноэтажного он стал двухэтажным; соответственно, появилась роскошная лестница. Главный внутренний двор расширили (заменяя к тому же массивные колонны на более тонкие, что визуально

Усилиями дона Фадрике дворец сильно изменился. Из одноэтажного он стал двухэтажным; соответственно, появилась роскошная лестница. Главный внутренний двор расширили (заменяя к тому же массивные колонны на более тонкие, что визуально

²⁴ Мудэхар (mudéjar) — стиль в архитектуре Испании XI–XVI вв., для которого характерно сосуществование и взаимодействие испано-мусульманской художественной традиции с элементами романской, готической и ренессансной архитектуры.

²⁵ Фото автора. — Примеч. ред.

сделало двор более просторным), теперь по своим размерам он ассоциировался с парадным итальянским кортиле; появились ренессансные мраморные фонтаны.

Тогда же был установлен великолепный портал, который стал новой доминантой в облике дворца, покончив с его восприятием как мусульманского и обозначив цепочку ассоциаций: Иерусалим — Древний Рим — Италия Возрождения. Портал, как и фонтаны и колонны для внутреннего двора, был привезен из Генуи [Lleó Cañal, 2022: 58, 70]. Весь его облик ассоциируется как с римской триумфальной аркой (несколько таких арок дон Фадрике видел в Италии), так и с итальянским Возрождением, а барельефы с профилями императоров очень близки к тем, что украшают фасад Чертозы [Lleó Cañal, 2012: 43]. В то же время паломничество к Святому Гробу нашло отражение в иерусалимских крестах на увенчивающих портал зубцах с трижды повторенной надписью: «4 августа 1519 вступил в Иерусалим».

Портал Дома Пилата

* * *

Дневник путешествия маркиза Тарифы во многом остается загадочным. Не очевидна его жанровая принадлежность. Многие сочинения такого рода писались как руководства для паломников, но дневник дона Фадрике явно к этому не сводится: пилигриму не нужно знать размеры рент горожан, детали устройства крепостей или тонкости избирательных процедур, которые приводятся в тексте. Скорее можно предположить, что речь идет о смеси записей для себя и для того, чтобы прославить свой род. Но если справедливо последнее, то логично было бы ожидать скорейшей публикации дневника, между тем первое известное издание датировано лишь 1606 г.

Автор предстает в дневнике хорошо образованным человеком с широкими интересами, открытым восприятию нового. Однако, очутившись в ренессансной Италии, маркиз Тарифа всё же оказался недостаточно готов к восприятию классической традиции. Знакомясь на протяжении почти полутора лет со множеством зданий романского и готического стиля, с шедеврами треченто и кватроченто, дон Фадрике не увидел или во всяком случае не выделил в этом многообразии образцы наиболее чистого классического стиля, которые, скорее всего, воспринимались им как недостаточно украшенные, даже бедные (вспомним, например, что пизанский баптистерий с его готическим декором показался ему красивее, чем более строгий

флорентийский). Напротив, ломбардский стиль с его пышным декором, более далекий от классических традиций, но зато более созвучный традициям готики и мудехара, оказался ему гораздо ближе.

Таким образом, записи дневника дона Фадрике, даже когда они предельно лаконичны, содержат важную информацию об организации и ходе путешествия, о том, что он видел и как именно видел. Анализ восприятия кастильским аристократом XVI века пространства, урбанистической среды, памятников архитектуры, надгробий позволяет лучше понять его внутренний мир. Это мир человека Средневековья, незаурядного и отличавшегося широкими интересами, несомненно, испытывавшего влияние ренессансных ценностей, но отобравшего среди них наиболее приемлемые для него и воплотившего их на свой лад в родном городе. Отважившись на опасное паломничество и в то же время выстроив его «с итальянским акцентом», маркиз Тарифа воплотил в своем жизненном опыте всю сложность и неоднозначность религиозных и культурных связей в Средиземноморье в один из ключевых моментов его истории.

Список литературы / References

Толстикова А.В., Кошелева О.Е. (2010) *Homo viator, Одиссей: человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен*, Москва, Наука, с. 5–10.

Tolstikov A.V., Kosheleva O.E. (2010) *Homo viator*, in Chubaryan A.O. (ed.) *Odissei: chelovek v istorii. 2009: Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [Odysseus: A Man in History. 2009: Travel as a Historical and Cultural Phenomenon], Moscow, Nauka, pp. 5–10. (In Russian)

Álvarez Márquez M. del C. (1986) La biblioteca de Don Fadrique Enríquez de Ribera, I Marqués de Tarifa (1532) [The library of Don Fadrique Enríquez de Ribera, 1st Marquis of Tarifa (1532)], *Historia. Instituciones. Documentos*, no. 13, pp. 1–40. (In Spanish)

Aranda Bernal A.M. (2012) Sevilla y los negocios de la mar. Recursos que financiaron la arquitectura y el arte a fines del siglo XV [Seville and the maritime trade. Resources that financed architecture and art at the end of the 15th century], *Atrio. Revista de Historia del Arte*, no. 18, pp. 5–26. (In Spanish)

Armstrong M.C. (2021) *The Holy Land and the Early Modern Reinvention of Catholicism*, Cambridge, Cambridge university press, 400 p.

Breydenbach B. von. (1498) *Viaje de la tierra sancta* [Journey to the Holy Land], Zaragoza, Pablo Hurus, 178 f. (In Spanish)

García Fernández M. (ed.) *Viaje a Tierra Santa de Fadrique Enríquez de Ribera: Estudios y edición facsimilar* [Fadrique Enríquez de Ribera's Journey to the Holy Land: Studies and facsimile edition], Sevilla, Editorial Universidad de Sevilla, 514 p. (In Spanish)

García Martín P. (1997) *La Cruzada Pacífica: la peregrinación a Jerusalén de don Fadrique Enríquez de Ribera* [The Peaceful Crusade: the pilgrimage to Jerusalem of Don Fadrique Enríquez de Ribera], Barcelona, Ediciones del Serbal, 157 p. (In Spanish)

González Jiménez M. (2001) La biografía de Don Fadrique Enríquez de Ribera, I Marqués de Tarifa y Adelantado Mayor de Andalucía [The biography of Don Fadrique Enríquez de Ribera, 1st Marquis of Tarifa and Chief Magistrate of Andalusia], in García Martín P., Martínez Shaw C., González Jiménez M., Lleó Cañal V., Beltran V., Álvarez Márquez M. del C. (eds.) *Paisajes de la Tierra Prometida. El viaje a Jerusalén de don Fadrique Enríquez de Ribera*, Madrid, Miraguano, pp. 77–98. (In Spanish)

González Moreno J. (1963) Don Fadrique Enríquez de Ribera [Don Fadrique Enríquez de Ribera], *Archivo hispalense: Revista histórica, literaria y artística*, vol. 39, no. 122, pp. 201–280. (In Spanish)

Lleó Cañal V. (2012) *Nueva Roma: mitología y humanismo en el Renacimiento sevillano* [New Rome: Mythology and Humanism in the Sevillian Renaissance], Madrid, Centro de Estudios Europa Hispánica, 339 p. (In Spanish)

Lleó Cañal V. (2022) *La Casa de Pilatos: biografía de un palacio sevillano* [The House of Pilate: biography of a Sevillian palace], Sevilla, Editorial Universidad de Sevilla, 296 p. (In Spanish)

Morán Turina M. (2010) *La memoria de las piedras. Anticuarios, arqueólogos y coleccionistas de antigüedades en la España de los Austrias* [The Memory of Stones: Antiquarians, Archaeologists, and Collectors of Antiquities in Habsburg Spain], Madrid, Centro de Estudios Europa Hispánica, 450 p. (In Spanish)

Pereda F. (2012) Measuring Jerusalem: The Marquis of Tarifa's Pilgrimage in 1520 and its Urban Consequences, *Città e Storia*, vol. VII, no. 1, pp. 77–102.

Plaza C. (2018) De la «Sevilla tiburtina» a la ciudad «fundada en el agua». Arquitectura, ciudad y paisaje en Italia en el viaje a Jerusalén de Fadrique Enríquez de Ribera (1518–1520) [From the «Tiburtin Seville» to the city «founded on water». Architecture, city and landscape in Italy during Fadrique Enríquez de Ribera's travel to Jerusalem (1518–1520)], *Acta Artis: Estudis d'Art Modern*, no. 6, pp. 13–37. (In Spanish)

Wunder A. (2003) Classical, Christian, and Muslim Remains in the Construction of Imperial Seville (1520–1635), *Journal of the History of Ideas*, vol. 64, no. 2, pp. 195–212.